
ЗЛО У СТАНИЦЫ · КНИГА ПЕРВАЯ
ГРОЗА
НАД КУРГАНОМ
ЮРИЙ ЗОРКИЙ

Юрий Зоркий

Зло у станицы.Гроза над курганом.

https://litres.ru/74731662
SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга серии «Зло у станицы».

Курган за станицей Курганной стоит дольше, чем помнят люди. Дед братьев Головатых всю жизнь не сводил с него глаз и унёс его тайну в могилу.

Степан тренирует детскую футбольную команду, шестнадцатилетний Матвей готовится к чемпионату края по ММА. Но однажды гроза застаёт братьев на вершине кургана, и молния выжигает на их коже знаки. Теперь они видят то, чего не видят другие: волка, который ходит как человек, утопленницу в лиманах, ведьму за учительским столом.

Застава всегда держится на двоих. Только братья ещё не знают, какую цену курган взял с них в ту первую ночь.

Содержание

Глава 1. Ещё один подъём 5
Глава 2. Значит, всё-таки вы 11
Глава 3. Оба живы 17
Глава 4. Курганная 24
Глава 5. Полнолуние 30
Глава 6. Погреб 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Юрий Зоркий
Зло у станицы.Гроза над курганом.

Юрий Зоркий

Гроза над курганом

Зло у станицы. Книга первая

Глава 1. Ещё один подъём

Курган стоял за станицей с тех пор, как стоит степь.

Так говорил дед. Он вообще много чего говорил про курган, особенно в последний год, когда почти перестал выходить из хаты и целыми днями сидел у окна, глядя в ту сторону, где за огородами и балкой поднимался из земли тёмный горб. Курганная и получила своё имя от него — не наоборот. Сперва был курган, потом пришли казаки, потом выросли хаты, а курган всё стоял и смотрел на них, как старый пёс смотрит на щенков: устало и с подозрением.

Деда схоронили месяц назад. Курган остался.

— Пошёл! — крикнул Степан и хлопнул в ладоши.

Матвей сорвался с места и побежал вверх по склону. Ноги вязли в мокрой траве, кроссовки скользили, но он упрямо лез, низко пригибаясь и работая руками, как учили. Склон был крутой, метров сорок до вершины, и на последней трети у любого начинали гореть лёгкие.

Степан стоял внизу с секундомером в руке. Высокий, широкоплечий, в старой спортивной куртке районной сборной. Двадцать два года, лучший нападающий в округе, и тренер детской команды, потому что больше тренировать в Курганной было некому. Он не бегал вместе с братом. Он смотрел.

Смотреть он умел. На поле Степан всегда видел игру чуть раньше остальных: куда уйдёт мяч, кто откроется, откуда

прилетит. Тренеры называли это чутьём. Дед называл по-другому, но Степан тогда не прислушивался.

— Двадцать восемь! — крикнул он, когда Матвей коснулся рукой каменной плиты на вершине. — Медленно. Вниз, и ещё раз.

Матвей сбежал обратно, упёрся руками в колени и сплюнул.

— Ты сам попробуй, — выдохнул он.

— Я свои подъёмы отбегал, когда ты ещё в машинки играл. Через две недели турнир в Краснодаре. Хочешь, чтобы тебя в первом раунде положили?

— Меня никто не положит.

— Вот и докажи. Пошёл.

Матвею было шестнадцать, и он был уверен, что знает о себе всё. Что он сильнее, чем думает брат. Что боль — это просто сигнал, на который можно не обращать внимания. Что он уже взрослый. Всё это было правдой лишь отчасти, но объяснить это шестнадцатилетнему не смог бы никто — ни брат, ни мать, ни даже дед, пока был жив.

Он побежал снова.

* * *

Гроза пришла со стороны Кубани, как приходят все грозы в этих местах: сначала ветер, потом тишина, потом небо над степью наливается свинцом так быстро, что не успеваешь заметить, когда день стал вечером.

На восьмом подъёме упали первые капли. Крупные, тяжё-

лые, они били по траве, как дробь. На девятом хлынул ливень. Не дождь — стена воды, через которую не было видно ни станицы, ни дороги, ни даже подножия кургана.

— Всё! — крикнул Степан, прикрывая лицо ладонью. — Хватит! Домой!

Матвей стоял внизу, мокрый до нитки, тяжело дыша. Вода стекала с его волос, с носа, с подбородка. Он посмотрел на брата, потом на вершину кургана, которую едва можно было различить сквозь пелену.

— Ещё один, — сказал он.

— Чего?

— Ещё один подъём. Десятый. Ты сказал — десять.

— Я сказал — домой. Ты глухой? Гроза идёт!

Над степью ударил гром, длинный, раскатистый, будто кто-то тащил по небу огромную железную бочку. Степан почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от воды. От чего-то другого. От того самого чутья, которое на поле подсказывало ему, что сейчас будет опасный момент.

— Матвей. Домой. Сейчас же.

Но младший уже упрямо сжал челюсти. Степан знал это лицо. Он видел его каждый раз, когда Матвей выходил в клетку против того, кто был старше и тяжелее. Видел его год назад, когда Матвей, никому не сказав, уехал один на турнир в Армавир, чтобы доказать, что ему не нужна нянька. Чем закончилась та поездка, в семье старались не вспоминать.

— Ты всегда так, — сказал Матвей. — Всегда решаешь за

меня. Десять — значит десять.

И побежал.

— Да чтоб тебя! — заорал Степан ему в спину. — Стой, баран упёртый! Стой, кому говорю!

Матвей не остановился. Он лез вверх по скользкому склону, падал на колени, цеплялся за мокрую траву и снова поднимался. Степан выругался ещё раз, длинно и от души, как ругался дед, когда у него не заводился мотоцикл, бросил секундомер в траву и рванул следом.

Он догнал бы брата за пять шагов на ровном поле. Но на кургане всё было иначе. Земля под ногами расползалась, ливень бил в глаза, и каждый раз, когда Степан думал, что вот сейчас схватит Матвея за куртку, тот оказывался на шаг выше.

Гром ударил снова. Ближе.

«Дед бы сейчас сказал, что курган нас зовёт», — подумал Степан и сам удивился этой мысли.

* * *

Матвей выбрался на вершину первым и, задыхаясь, ударил ладонью по каменной плите.

— Десять! — прохрипел он и обернулся. — Видал? Десять!

Степан вылез следом, схватил брата за плечо и рывком развернул к себе.

— Ты дурак, Матвей? Ты совсем дурак? Сейчас молния шарахнет, и всё, кончился твой турнир! Кончился ты!

— Не ори на меня!

— Буду орать! Я за тебя отвечаю, понял? Отец…

Он осёкся. Не потому что не хотел договаривать. А потому что вдруг стало тихо.

Ливень прекратился.

Не затих, не ослаб, а прекратился, как будто кто-то повернул кран. Секунду назад вода хлестала им в лица, а теперь не падало ни капли. Степан медленно поднял голову.

Капли висели в воздухе.

Тысячи, миллионы капель, застывших вокруг кургана, как бусины на невидимых нитях. Они не падали. Они просто висели, и в каждой отражалось тёмное небо. Звуки исчезли: ни грома, ни шума ветра, ни далёкого лая собак из станицы. Степан слышал только собственное сердце и дыхание брата.

— Стёп, — шёпотом сказал Матвей. — Это чего?

Степан не ответил. Он смотрел на каменную плиту у их ног. Старую, вросшую в землю, покрытую лишайником. Сколько он себя помнил, она лежала на вершине кургана, и дед говорил, что её положили сюда задолго до того, как на Кубань пришли казаки. Сейчас в бороздках на её поверхности, которые Степан всегда принимал за трещины, медленно разгоралось слабое голубое свечение.

Они складывались в узор.

Матвей посмотрел на брата. Степан посмотрел на Матвея. Ни один из них потом не мог вспомнить, сколько длилась эта тишина: секунду или вечность.

А потом мир стал белым.

Молния ударила не с неба. Так, по крайней мере, показалось Степану. Она будто вырвалась из самого кургана и встретилась с небом где-то над их головами, прошив обоих насквозь. Не было боли. Не было звука. Был только свет — такой яркий, что Степан видел сквозь собственные веки, сквозь собственные руки, сквозь землю под ногами.

И в этом свете, на одно короткое мгновение, ему показалось, что на кургане они не одни.

Потом свет погас.

Глава 2. Значит, всё-таки вы

Первым вернулся запах.

Пахло горелой травой, мокрой землёй и чем-то ещё — резким, железным, как после сварки. Матвей открыл глаза и увидел над собой небо. Чистое, звёздное, без единого облака. Будто никакой грозы и не было.

Он лежал на спине. Под ладонями была не трава, а что-то гладкое и тёплое. Матвей повернул голову и понял, что земля вокруг оплавилась: на вершине кургана расходился чёрный стеклянный круг, ровный, как блюдце. В его центре лежала каменная плита, и знаки на ней всё ещё светились.

— Стёпа…

Брат лежал в двух шагах. Неподвижно. Лицом вниз.

Матвей не помнил, как оказался рядом. Перевернул Степана, тряхнул за плечи, приложил ухо к груди. Сердце билось. Ровно, спокойно, как будто брат просто спал.

— Стёпа! Слышишь меня? Стёпа!

Степан застонал и открыл глаза.

— Не ори, — хрипло сказал он. — Голова…

Матвей рассмеялся. Нервно, почти истерично, и сам испугался этого смеха. Потом сел прямо на оплавленную землю и обхватил колени руками.

— Нас молния ударила, — сказал он. — Нас. Молния. Мы должны быть… ну, ты понял.

— Понял.

Степан сел и оглядел себя. Куртка обуглилась на плечах, кроссовки почернели. А на коже ни ожога, ни царапины. Только на правой ноге, от щиколотки до колена, через разорванную штанину виднелся странный рисунок. Тонкие светлые линии ветвились по коже, как корни дерева или трещины на льду.

У Матвея такой же узор шёл по левой руке, от запястья к локтю.

— Это от молнии, — неуверенно сказал Степан. — Я читал. Такое бывает. Потом проходит.

— А это тоже бывает? — Матвей кивнул на плиту.

Знаки больше не казались трещинами. Это были буквы. Старые, угловатые, похожие на те, что писали в церковных книгах, но Матвей почему-то понимал каждую. Не читал — понимал, будто кто-то говорил прямо у него в голове. Он наклонился и, сам не зная зачем, прочитал вслух:

— «Кто прочтёт, тот продолжит путь воина».

Буквы вспыхнули и погасли.

— Зачем ты это прочитал? — тихо спросил Степан.

— Не знаю, — честно ответил Матвей. — Само.

* * *

— Значит, всё-таки вы.

Голос раздался за их спинами. Братья вскочили одновременно, и Матвей сам не заметил, как встал в стойку, а Степан шагнул вперёд, закрывая его плечом.

На краю оплавленного круга стоял старик.

В Курганной его знали все и никто. Он жил в покосившейся хате у самой балки, на отшибе, и станичники звали его Сторожем. Почему — не помнил уже никто. Он появлялся на похоронах и на Троицу, молча стоял в стороне и уходил, ни с кем не заговорив. Дети его боялись. Взрослые делали вид, что не замечают. Дед иногда ходил к нему по вечерам и возвращался задумчивый и злой.

Сейчас Сторож стоял в длинном выцветшем плаще, опираясь на суковатую палку, и смотрел на братьев. Глаза у него были странные: слишком ясные, слишком молодые для такого изрезанного морщинами лица.

— Дед ваш до последнего надеялся, что не вы, — сказал старик. — Говорил: «Пусть выберет кого другого, пусть мои хлопцы поживут». Не выбрала. Она никогда не выбирает другого.

— Кто — она? — спросил Степан.

Сторож кивнул на небо.

— Вы чего тут делаете? — Матвей не опускал кулаков. — Ночью, на кургане? Вы за нами следили?

— Я тут сто лет делаю одно и то же, хлопче. Сторожу.

Он шагнул внутрь круга, и чёрное стекло под его ногами не хрустнуло. Матвей потом долго вспоминал этот момент — как старик ступал по оплавленной земле совершенно бесшумно, будто ничего не весил.

— Вы врата открыли, — сказал Сторож, останавливаясь у

плиты. — Сто лет курган стоял запертый, а вы его открыли. Не со зла, понимаю. Но с этой ночи в степь пойдёт всё, что там сидело. И пойдёт оно сперва в Курганную. К вашей матери. К бабке вашей. К пацанятам, что ты тренируешь, Степан.

— Как закрыть? — сразу спросил Степан. Он всегда так: сначала дело, потом страх.

Сторож посмотрел на него долго, почти с жалостью.

— Кровью воина. Жизнью одного из двоих. Тот, кто останется, будет держать заставу. Тот, кто уйдёт, запечатает врата.

Матвей засмеялся. Смех вышел жалкий.

— Вы больной. Стёп, пошли отсюда. Он больной, ты же видишь.

Степан не двинулся. Он смотрел на свою ногу, на светлые линии на коже, и они пульсировали. Медленно, в такт его сердцу. А потом пульс сбился, и Степан почувствовал, как что-то тянет его изнутри — к плите, к земле, вниз, в темноту под курганом. Холод поднялся от ступней к коленям.

Он посмотрел на Матвея. Брат побледнел и схватился за левую руку.

— До рассвета, — тихо сказал Сторож. — Врата открыты и хотят есть. Если до рассвета никто из вас не уйдёт, они заберут обоих. А потом и станицу.

* * *

Потом Степан много раз пытался вспомнить, кто ударил первым. И не мог.

Холод поднимался всё выше. Он уже добрался до пояса, до груди, и с каждым вдохом становилось всё труднее думать. Мысли путались, расползались, как мокрая земля под ногами. Оставалось только одно — древнее, звериное, сильнее любви и сильнее разума.

Жить.

Он видел, как Матвей смотрит на него. Не как брат. Как соперник в клетке. Как зверь, загнанный в угол. И где-то на самом дне сознания Степан понимал, что сам смотрит на брата точно так же.

— Матвей, — сказал он. Голос был чужой. — Матвей, не надо.

— Ты меня никогда не слушаешь, — ответил Матвей. Губы его посинели от холода, а глаза были пустые. — Всегда решаешь за меня. В Армавир тоже ты решил не ехать. А я там чуть не сдох, Стёпа. Один.

— Это не ты говоришь…

— Это я говорю!

Матвей прыгнул.

Он был быстрее. Всегда был быстрее, ещё с детства, когда они дрались за последний пирожок с вишней на бабкиной кухне. Степан успел увернуться от первого удара, но второй пришёлся в рёбра, и воздух вышибло из лёгких. Он упал на одно колено, и тело само, без его воли, ответило: плечом в живот, захват, бросок. Они покатились по оплавленной земле, и чёрное стекло резало ладони.

Степан был тяжелее. Он прижал брата к земле, навалился всем весом, и на миг ему показалось, что сейчас всё кончится, что он сможет удержать, остановить, достучаться…

Но Матвей вывернулся. Как учили. Как он делал сотни раз на тренировках. Локоть в висок, колено, разворот — и вот уже младший сверху, а Степан лежит на спине, и затылок упирается в холодный край каменной плиты.

Над ними висели звёзды. Над ними стоял Сторож и молча смотрел.

Матвей занёс кулак. Знак молнии на его руке вспыхнул голубым светом, ярким, как сварочная дуга. Степан смотрел в глаза брату и не узнавал их.

— Матюша, — прошептал он, как называла его мать, когда тот был маленьким.

На один удар сердца в глазах Матвея что-то дрогнуло.

А потом он ударил.

Глава 3. Оба живы

Матвей проснулся от того, что в окно било солнце.

Он лежал в своей кровати, в своей комнате, под своим старым одеялом с выцветшими самолётиками, которое бабушка всё никак не соглашалась выбросить. Пахло жареными пирожками. За стеной бормотал телевизор. Где-то во дворе орал соседский петух, как орал каждое утро последние лет пять.

Обычное утро.

Матвей сел так резко, что закружилась голова.

Курган. Гроза. Капли в воздухе. Свет. Старик в плаще. Холод, ползущий от ног к сердцу. Глаза брата. Свой собственный кулак, занесённый для удара…

А дальше — ничего. Пустота. Как будто кто-то вырезал кусок плёнки и склеил концы.

Он посмотрел на левую руку. Узор никуда не делся: тонкие светлые линии ветвились от запястья к локтю, бледные, едва заметные при дневном свете. Значит, не приснилось.

— Стёпа!

Он выскочил в коридор босиком, в одних трусах, и чуть не сбил брата с ног.

Степан стоял у двери ванной с полотенцем на шее. Живой. Целый. Волосы мокрые после душа, на скуле — свежая ссадина, на костяшках — подсохшие царапины. Он посмот-

рел на Матвея спокойно, даже как-то мягко, и улыбнулся.

— Проснулся, боец? Я уж думал, до обеда проспишь.

Матвей стоял и смотрел на него. Хотелось одновременно обнять брата и врезать ему, чтобы проверить, что он настоящий.

— Что было? — спросил он. Голос сел. — Там, на кургане. Я ничего не помню. Мы дрались, и я… я тебя…

— Ты отключился, — просто сказал Степан. — Молния, брат. Сознание поплыло у обоих, понесло нас. Подрались малость. Потом ты вырубился, я тебя на плече домой дотащил. Мать на смене была, бабушка спала, никто ничего не видел.

— А старик? Сторож?

Степан пожал плечами.

— Ушёл. Сказал, что мы справились.

— С чем справились?

— Потом, Матюш. — Степан хлопнул его по плечу. Рука была тёплая и тяжёлая. — Иди оденься. Бабушка пирожков напекла, остынут.

* * *

На кухне было жарко от печки. Бабушка Нина стояла у плиты в цветастом фартуке и переворачивала пирожки на сковородке. Маленькая, круглая, быстрая, она всю жизнь проработала дояркой на ферме и до сих пор вставала в пять утра, хотя коров в хозяйстве давно не держали.

— Явился, — сказала она, не оборачиваясь. — Шо ж вы, хлопцы, вчера до ночи шлялись? Я думала, вас та гроза унес-

ла. Сидайте, ешьте, пока горячие.

Матвей сел за стол. На клеёнке стояла тарелка с горкой пирожков: с картошкой, с капустой, с вишней. Рядом — сахарница, банка сметаны, чайник.

Степан сел напротив. Налил себе чаю. Взял пирожок с картошкой. Откусил.

Матвей смотрел на него и чувствовал, как внутри разжимается тугой узел, который он носил с самого пробуждения. Брат как брат. Сидит, жуёт, щурится от солнца. Ссадина на скуле — так это молния, драка, мало ли.

Он потянулся к сахарнице и придвинул её Степану. Привычно, не думая: три ложки, всегда три, сколько он себя помнил. Бабушка ворчала, что Стёпа себе все зубы этим сахаром испортит.

Степан посмотрел на сахарницу, потом на Матвея.

— Не, — сказал он. — Режим. Турнир скоро, сам понимаешь.

И отпил пустого чаю.

— Какой ещё турнир? — фыркнул Матвей. — Турнир у меня. У тебя сезон кончился.

— Ну, значит, за компанию, — улыбнулся Степан. — Буду тебя поддерживать.

Бабушка обернулась от плиты, подбоченилась и прищурилась на старшего внука.

— Без сахару? Ты? Ой, лышенько, видать, крепко вас та молния приложила.

Матвей рассмеялся и потянулся за пирожком с вишней. Рука задела кружку, и та опрокинулась. Горячий чай плеснул Степану прямо на колени.

Матвей сжался. Сейчас будет. Брат взлетит со стула, зашипит, выдаст такое, что бабушка схватится за полотенце и полезет его воспитывать, как всегда.

Степан посмотрел на мокрые штаны. Спокойно взял полотенце и вытерся.

— Ничего, — сказал он. — Бывает.

Бабушка перекрестилась.

— Вот теперь я точно знаю, шо вас та молния вдарила, — сказала она. — Первый раз за двадцать лет, шо Стёпка не матюкнулся.

Матвей засмеялся снова, и Степан засмеялся вместе с ним, и солнце било в окно, и пахло вишнёвыми пирожками, и всё было хорошо.

Почти всё.

* * *

Ночью Матвей не мог уснуть.

Он лежал и смотрел в потолок, а в голове крутилось одно и то же: кулак, глаза брата, «Матюша» — и пустота. Он помнил, как ударил. Помнил, как рука пошла вниз. А что было после — хоть убей.

«Ты отключился», — сказал Степан. Наверное, так и было. Молния, шок, мозги поплыли. Он читал про такое. Люди после удара молнии забывают целые дни.

За стеной, в комнате брата, было тихо.

Около двух часов ночи на кухне что-то грохнуло.

Матвей вышел в коридор. На кухне горел ночник, и в его тусклом свете он увидел бабушку в длинной ночной рубашке. Она стояла у печки и смотрела на пол.

На полу валялось перевёрнутое блюдце. Молоко растеклось белой лужей и уже подбиралось к щели в половицах.

— Хозяин сердится, — сказала бабушка, не оборачиваясь.

Матвей знал, про кого она. Про домового. Бабушка каждый вечер ставила ему за печку блюдце молока и кусочек пирога и называла его по-старинному: Хозяин, а когда была в духе — Кузьмичом. Дед над ней посмеивался, но блюдце никогда не трогал. Матвей с детства считал это бабкиными сказками, а утром блюдце всегда оказывалось пустым — ну так кошка, что тут думать.

— Кошка опрокинула, — сказал он.

— Кошка на крыльце спит. — Бабушка наклонилась, подняла блюдце и понюхала молоко. — Скисло. За один вечер. Шестьдесят лет ему ставлю, ни разу не скисало.

Из-за печки донеслось глухое ворчание. Не кошачье. Не собачье. Будто старый человек недовольно бормотал себе под нос, не разжимая губ.

У Матвея по спине побежали мурашки.

Бабушка вздохнула, перекрестила печку и пошла спать, шаркая тапками. Матвей остался один.

Он не знал, зачем пошёл в дедову комнату. Ноги сами принесли. Там всё оставалось как при деде: узкая кровать, застеленная солдатским одеялом, иконы в углу, фотографии на стенах. А над кроватью, на ковре, висела шашка.

Дедова. И прадедова. И бог знает чья ещё до них. Старая, в потёртых ножнах, с медной рукоятью, отполированной ладонями до блеска. В детстве братьям строго запрещали её трогать.

Матвей протянул руку и коснулся рукояти.

Знак на его руке вспыхнул голубым. Слабо, на секунду, но Матвей увидел, как светлые линии на коже потянулись к шашке, словно живые. Металл под пальцами стал тёплым. А в ножнах что-то тихо, едва слышно зазвенело — как струна, которую тронули в соседней комнате.

Матвей отдёрнул руку.

Звон стих. Знак погас.

Он подошёл к окну. Дедово окно смотрело прямо на курган. Тёмный горб чернел за огородами на фоне звёздного неба, и на его вершине, там, где вчера ударила молния, стояла маленькая неподвижная фигура в длинном плаще.

Сторож.

Он смотрел прямо на их хату. Матвей мог бы поклясться, что прямо на него.

Потом старик медленно поднял руку — то ли приветствуя, то ли прощаясь.

Матвей задёрнул занавеску и долго стоял в темноте, слу-

шая, как за стеной, в комнате брата, стоит всё та же ровная, непроницаемая тишина.

Глава 4. Курганная

Курганная была станицей, каких на Кубани сотни.

Одна длинная улица вдоль балки, которую все называли просто Главной, и десяток переулков, сбегающих от неё к огородам. Белёные хаты под шифером и новые кирпичные дома за высокими заборами. Церковь с зелёным куполом, школа, клуб, магазин «Колос», почта. Рынок по субботам. Ореховые деревья вдоль дорог, такие старые, что их корни вспучивали асфальт. Футбольное поле за школой, с покосившимися воротами и трибуной на сорок мест.

И курган. Его было видно отовсюду. С поля, с рынка, с крыльца церкви. Станичники давно перестали его замечать, как не замечают собственный нос. Матвей теперь замечал всё время.

В понедельник он пошёл с братом на тренировку. Сам не знал зачем. Просто не хотелось отпускать Степана из виду.

Команду Степан собрал три года назад из пацанов, которые гоняли мяч за школой. Пятнадцать-шестнадцать лет, двенадцать человек, форма — какая у кого нашлась. Назвались «Казаками», и Степан не стал спорить. Играли в районном первенстве, чаще проигрывали, чем выигрывали, но играли упрямо, до последней минуты. Этому Степан учил их в первую очередь.

— Разминка! — крикнул он, и пацаны потрусили по кру-

гу.

Матвей сел на трибуну и смотрел.

Брат вёл тренировку как всегда. Свисток, упражнения, короткие резкие команды. Только мягче, что ли. Когда долговязый Костик в третий раз запорол передачу, Степан не заорал на всё поле, как обычно, а подошёл, положил руку на плечо и что-то тихо объяснил. Костик закивал и просиял.

«Молния его и правда приложила», — подумал Матвей и улыбнулся.

На краю поля, у бровки, стоял Ванька Перепелица.

Ваньку в команде звали Перепёлкой. Маленький, щуплый, с вечно разбитыми коленками и торчащими ушами, он был самым преданным игроком «Казаков» и самым бесполезным. Приходил на каждую тренировку первым, уходил последним, но мяч его не слушался. Три года он просидел на скамейке и выходил на поле только в те минуты, когда счёт был уже такой, что хуже не сделаешь.

И всё равно приходил.

— Перепёлка, давай в квадрат! — крикнул кто-то из пацанов, и все засмеялись.

Ванька покраснел, но пошёл. Через полминуты мяч отскочил от его колена и улетел в кусты. Смех стал громче.

Матвей видел, как Ванька стоит и смотрит на кусты. Не плачет. Просто стоит, сжав кулаки, и смотрит, и лицо у него такое, будто он отдал бы всё на свете, чтобы хоть раз, хоть один-единственный раз этот проклятый мяч его послушался.

* * *

В субботу бабушка отправила братьев на рынок.

Рынок в Курганной был маленький: два ряда навесов на площади у клуба. Но по субботам сюда съезжались со всех окрестных хуторов. Продавали всё: картошку и яблоки, мёд и сало, вязаные носки, рассаду, живых кур в клетках, китайские кроссовки и пиратские диски, которые никто уже не покупал. Пахло укропом, копчёной рыбой и бензином от старых «жигулей», припаркованных вдоль забора.

Мясной прилавок дядьки Гриши стоял в самом конце ряда, и к нему всегда была очередь.

Григорий Пантелеевич Зозуля был человек большой во всех смыслах. Высокий, грузный, с красным добродушным лицом, пышными седыми усами и руками размером с лопату. Мясо он продавал своё, со двора, и продавал дешевле всех на рынке. Пенсионеркам — ещё дешевле. А всякого пацана, проходящего мимо, непременно угощал: то кусочком домашней колбасы, то пряником из кармана фартука.

— О! Казаки пожаловали! — загудел он, увидев братьев. — Степан, ну шо твои орлы, когда вже район возьмёте?

— Возьмём, дядь Гриш, — улыбнулся Степан.

— А ты, малой? — Гриша подмигнул Матвею. — Слыхал, в Краснодар едешь, морды бить. Правильно. Казак должен уметь за себя постоять. — Он отрезал от круга колбасы толстый кусок, завернул в бумагу и сунул Матвею в руку. — На, за победу. Без денег, без денег, не обижай старика.

Матвей взял колбасу и вдруг заметил: у дядьки Гриши на левой руке, на запястье, виднелись тёмные полосы. Будто старые шрамы или следы от чего-то тугого, впившегося в кожу. Гриша поймал его взгляд и одёрнул рукав.

— Хозяйство, — сказал он легко. — Бык у меня норовистый, верёвкой как-то затянуло.

Он засмеялся, и Матвей засмеялся тоже. А потом Гриша поднял глаза к небу и долго, почему-то тревожно, смотрел на бледный дневной полумесяц над крышами.

— Через неделю полная будет, — сказал он ни к кому не обращаясь. — Полная луна.

И, словно опомнившись, снова загудел своим добрым басом:

— А ну, кому свининки, кому говядинки! Подходи, станичники, не стесняйся!

* * *

Первым пропал Полкан у Сидоренков.

Старый лохматый кобель, который двенадцать лет сидел на цепи у их калитки и облаивал каждого прохожего. В среду утром тётка Сидоренчиха вышла его кормить и нашла пустую будку. Цепь была на месте. Ошейник тоже — валялся в пыли, расстёгнутый.

Не порванный. Расстёгнутый.

В четверг пропали две собаки на Садовой. В пятницу — пёс у фельдшерицы, огромная кавказская овчарка, которую боялась вся станица. От неё остался только клок шерсти на

заборе и глубокие борозды на земле, будто её волокли.

К субботе в Курганной говорили только об этом.

— Волки из степи пришли, — уверенно заявлял дед Ерофеич у магазина. — В девяносто восьмом так же было, зима лютая, они до самой станицы доходили.

— Какие волки в сентябре? — возражали ему. — Это ловцы с трассы. Отлавливают и на собачьи бои продают.

— Сам ты ловец!

Матвей слушал эти споры и молчал. Он вспоминал старика на кургане. «С этой ночи в степь пойдёт всё, что там сидело. И пойдёт оно сперва в Курганную».

Вечером он сказал об этом брату.

Они сидели на крыльце. Над огородами висела почти полная луна, огромная и жёлтая, как начищенный медный таз. Где-то далеко за балкой выли собаки — те, что ещё оставались. Выли все разом, протяжно, тоскливо, в сторону кургана.

— Стёп, это оно, — сказал Матвей. — Ты же понимаешь. Это из-за нас. Мы открыли.

Степан долго молчал, глядя на луну.

— Может, и оно, — сказал он наконец. — Значит, будем закрывать.

Он сказал это так спокойно, что Матвею стало и легче, и почему-то не по себе.

Вой за балкой оборвался. Сразу, весь, будто его отрезало ножом. И в наступившей тишине откуда-то со стороны рын-

ка донёсся другой звук. Низкий, хриплый, тягучий.

Не собачий.

Знак на руке Матвея кольнул, как от разряда тока. Он посмотрел на него и увидел, что светлые линии слабо светятся в темноте.

Степан смотрел не на руку брата. Он смотрел на луну. И Матвей не мог понять выражения его лица.

Глава 5. Полнолуние

На Петра Лукьяненко напали в ночь на воскресенье, когда луна стала полной.

Он возвращался с хутора на велосипеде, срезал путь через лесополосу у рынка. Нашли его утром пастухи: без сознания, в разорванной куртке, с глубокими рваными ранами на плече и спине. В районной больнице сказали — крупный зверь. Очень крупный. Пётр, когда пришёл в себя, твердил одно и то же: «Он на задних лапах стоял. На задних, как человек».

Ему не поверили. Сказали — шок.

Матвей поверил сразу.

— Идём туда, — сказал он брату вечером. — Сегодня. Луна ещё полная.

Он ждал, что Степан начнёт спорить: про турнир, про мать, про то, что это дело милиции. Старший всегда спорил. Но Степан только кивнул.

— Идём.

* * *

Из дома выбрались после полуночи. Матвей взял фонарик и бейсбольную биту, которую когда-то выиграл в тире. Степан не взял ничего.

— Ты чего с пустыми руками?

— А чем его бить? — пожал плечами Степан. — Битой? Ты видел, что он с Петром сделал.

Станица спала. Луна заливала Главную улицу белым

мертвенным светом, тени от ореховых деревьев лежали на асфальте чёрными сетями. Ни одна собака не лаяла. Те, что остались, забились в будки и молчали.

У рынка Матвей остановился.

На пыльной земле между пустыми прилавками отпечатались следы. Огромные, шире его ладони, с длинными бороздами от когтей. Четыре отпечатка — потом два. Потом снова четыре.

— Видишь? — прошептал Матвей. — На задних лапах. Пётр не врал.

Следы уходили в лесополосу. Братья пошли за ними.

В лесополосе было темно, как в погребе. Свет фонарика выхватывал стволы акаций, колючие кусты, мусор, брошенный станичниками. Пахло прелыми листьями и чем-то ещё — тяжёлым, мускусным, звериным.

Чтобы не слышать собственного сердца, Матвей заговорил:

— Стёп, помнишь, как мы в детстве тут в «волков и пастухов» играли? И ты всегда кричал…

Он замолчал, давая брату закончить. Это была их фраза. Их с самого детства. Степан орал её каждый раз, когда «волк» выскакивал из кустов, и Матвей, маленький, хохотал до икоты. Они повторяли её потом годами, при каждом удобном случае, и никто, кроме них двоих, не понимал, почему это смешно.

Степан молчал.

— Ну? — Матвей посветил на него фонариком. — Чего ты кричал?

— Не помню, Матюш, — виновато улыбнулся Степан. — Голова после молнии не та. Всё как в тумане.

Матвей хотел что-то сказать, но не успел.

Впереди хрустнула ветка.

Он направил туда фонарик. Луч дрогнул и упёрся в густые заросли тёрна. Ничего. Только листья, только тени.

А потом из темноты на них посмотрели два глаза. Жёлтые, круглые, высоко над землёй — выше, чем у любого волка. На уровне человеческого роста.

Знак на руке Матвея вспыхнул так ярко, что осветил кусты вокруг.

И в этом голубом свете он увидел его.

Зверь стоял на задних лапах, сгорбленный, огромный, покрытый свалявшейся серой шерстью. Длинная волчья морда, оскаленные жёлтые клыки. А ниже, на передней лапе, у самого запястья, Матвей разглядел тёмные полосы, вросшие в шерсть.

Будто старые шрамы. Будто следы от чего-то тугого, впившегося в кожу.

Зверь зарычал. Низко, хрипло, тягуче. Тем самым звуком, который они слышали с крыльца.

А потом развернулся и ушёл в темноту — бесшумно, огромными прыжками, будто его что-то позвало.

Матвей стоял и не мог пошевелиться. Бита выскользнула

из пальцев.

— Стёпа, — сказал он. — Стёпа, я знаю, где видел такие шрамы.

Глава 6. Погреб

Двор Зозули стоял на краю станицы, у самой балки. Крепкий дом из красного кирпича, сараи, загон для скотины, высокий забор из профнастила. Утром братья пришли туда под видом того, что бабушка просила мяса на воскресный борщ.

Гриша открыл калитку не сразу. Лицо серое, под глазами мешки, правая рука замотана бинтом от запястья до локтя.

— А, Казаки, — сказал он, но без прежнего баса. Голос хриплый, сорванный. — Мяса нет сегодня. Приболел я. В другой раз.

— Что с рукой, дядь Гриш? — спросил Матвей.

— Бык, — коротко ответил Гриша и захлопнул калитку.

Матвей стоял перед закрытой калиткой и вспоминал, что сказал Гриша неделю назад: бык затянул верёвкой. Тогда — левую руку. Теперь — правую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.